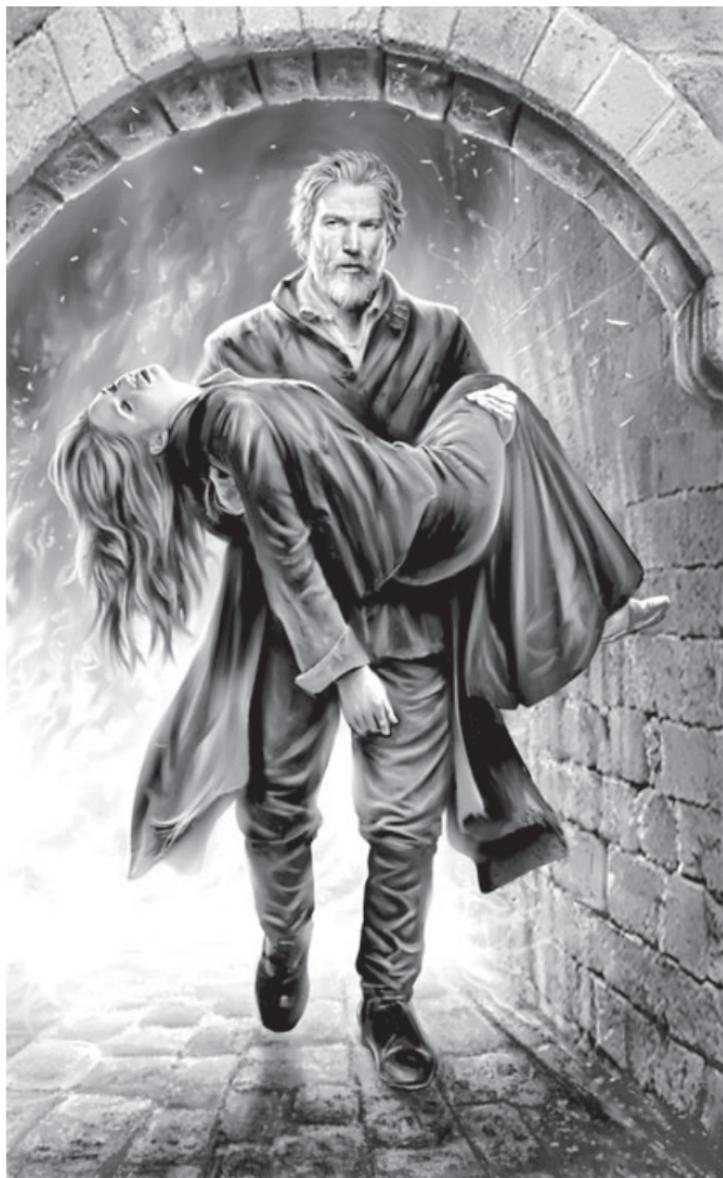

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Веры Чирковой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ИСКУСНИК. ПОТЕРИ И НАХОДКИ
ИСКУСНИК. СВОБОДА И НЕВОЛЯ
ИСКУСНИК. ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Вера ЧИРКОВА

ИСКУСНИК.

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Роман

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Серия основана в 2004 году
Выпуск 646

Художник
И. Воронин

Чиркова В. А.

Ч-64 Искусник. Испытание на прочность: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2421-4

Трудно, почти невозможно найти счастье в нескончаемой череде лишений, погонь и сражений, но еще тяжелее вовремя поверить в драгоценную находку и понять ее истинную ценность. А Инквару не повезло, и теперь ему предстоит сразиться за потерянное с могущественным, коварным и жестоким врагом, и не кинжалом и зельями, а его же оружием: хитростью и интригами.

Но победит лишь тот, кто с честью выдержал испытание на прочность, а также на честность, бескорыстие и преданность друзьям и соратникам по духу.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2421-4

ГЛАВА 1

В детстве ночь казалась Инку полным опасностей неведомым миром, населенным жуткими коварными чудовищами.

Но с того момента, как он впервые испытал на себе действие амулета ночного видения и зелий усиления слуха, ночная мгла стала ему преданным другом. Неожиданно для самого себя юный искусник вдруг перешел из беззащитных жертв порождений тьмы в стан могущественных повелителей ночи, но осознал это далеко не сразу. Лишь намного позднее Инквар научился сполна использовать временное преимущество перед врагами и теперь откровенно радовался этому умению. Только оно одно и могло спасти его от несправедного гнева людей, собравшихся вокруг гигантского магического костра.

Сейчас искусник не рассчитывал ни на авторитет командира убежища и Дайга, ни тем более на помощь Алильены. Наоборот, молил всех богов, чтобы удержали сумасбродную девчонку от глупости, не дали вмешаться в самосуд и подставить себя под ярость рассвирепевших воинов. Нет ничего страшнее и безумнее обозленной полупьяной толпы.

Собранной силы хватило с лихвой, и Инквар, резко расширив защитный купол, одним взмахом руки разорвал его с той стороны, откуда за «сожжением негодяя» не наблюдал никто из публики. И сразу направил стену исступленно гудящего огня на ораву разгоряченных травлей зрителей. Из нескольких десятков глоток единым вздохом вырвался испуганный вопль, но ни один из наемников пока не догадывался, что это грозное на вид пламя уже не может причи-

нить им сколь-нибудь значительного ущерба. Вместе с магией огонь стремительно терял и ярость и жар, хотя Инк изначально не желал никому навредить. Он всего лишь собирался немного припугнуть ораву «мстителей» и хоть на несколько секунд отвлечь их внимание от себя.

Встревоженные крики наемников стали для него сигналом. Пока самые рьяные мстители, отскочив от внезапно ринувшегося на них огня, сбивали шустрые рыжие язычки с рукавов и волос, Инквар тенью проскользнул в разрыв в щите и с невероятной для человека скоростью помчался по темным тропам убежища в сторону серого дома. Он отлично знал: не успеет еще остыть земля в том месте, где якобы сгорел обидчик Канза, как среди зрителей найдутся бдительные добровольцы, желающие выяснить, что за человек столько дней жил вместе с ними и нет ли ответов на этот вопрос в его дорожном мешке.

Нет, Инк и секунды не сомневался в быстроте и уверенности, с какими Динер покажет подчиненным, кто здесь командир, и вернет знамя власти в свои руки. Но в то же время был почти уверен в другом. Никогда лжеискусник и его подпевалы не откажутся от права каждого гильдийца участвовать в преследовании новичка, который якобы первым подло напал на Канза. Таковы законы гильдии наемников и травниц, и нарушать их командир вряд ли решится, не желая терять безоговорочное доверие своих воинов.

К тому же тем, кто наблюдал за их стычкой со стороны, все именно так и казалось, и о том, что произошло на самом деле, точно знают только сам Инквар и лживый самоучка. Ну и, может быть, еще Алильена да пара-тройка одаренных, но на них теперь рассчитывать не приходится.

О друзьях и ученице искусник старался вообще не вспоминать, все равно он пока не имел никакой возможности их успокоить. Даже знак подать не мог и оттого надеялся лишь на сообразительность Алильены, связь с которой, несмотря на разорванную клятву, никуда не исчезла, наоборот, день ото дня становилась все сильнее.

А перед Инкваром сейчас стояла более сложная задача: незаметно попасть в свою комнату. В последние дни в сером

доме постоянно жили двое всецело преданных Динеру людей, служивших ему и Алильене одновременно охраной и подручными.

До сих пор у искусника не возникало ни малейшего сомнения в их молчании и дружелюбии, однако теперь, оказавшись в роли злодея, он все же опасался довериться мало знакомым людям. Сейчас он вообще сожалел, что согласился допустить посторонних к своим тайнам, ведь если Канз вдруг сочтет нужным напоить парней зельем истины, то несладко придется и Динеру и его помощникам. Однако и обижать недоверием всех тех, кто эти дни вместе с ним делал для убежища нелегкое, но важное дело, тоже не хотелось: кому, как не искуснику, знать, насколько больно ранят несправедливые подозрения честных людей.

Взобравшись на холм, Инк замер неподалеку от двери и, не забывая присматривать за тропой, целую минуту сосредоточенно раздумывал, тщательно взвешивая противоречивые доводы. Совершенно не присущее искусникам решение далось нелегко, и еще некоторое время Инк колебался, не зная, стоит ли так рисковать. Потом оглянулся на усыпанный мельтешащими огоньками поселок и уверенно вставил в скважину ключ. Иногда выбирать приходится между несоизмеримыми по ценности вещами, и если он не желает потерять доверие новых друзей, то должен пожертвовать частью своих тайн.

— Что-то случилось? — выглянул в коридор один из охранников, Сивер, когда Инк стремительно несся на второй этаж.

— Канз, — распахивая дверь в свою комнатку, нарочно коротко бросил он, давая стражнику всего несколько секунд на принятие решения. Вполне достаточно для тех, кто уже прочно определился с выбором.

— Змейская порода, — расстроено процедил наемник и побежал следом за искусником. — Чем-нибудь помочь?

— Задержите их, — распорядился Инквар, торопливо бросая в дорожный мешок пожитки. — Он считает меня погибшим, но наверняка пожелает обыскать комнату. Я иду к горячим источникам, пересажу где-нибудь в укромном мес-

течке, а вам дам снадобье, выпейте на всякий случай. Вдруг кто-нибудь решит проверить на честность амулетом или зельем.

— Не нужно, — твердо отказался Сивер. — Мы не говорили, но у нас обоих есть небольшие способности. На меня не действуют никакие зелья, а Ченку даже менялы доверяют свои сундучки. Но все равно, спасибо за заботу. Динеру и Дайгу можно намекнуть, где ты?

— Разумеется. — Скрыв за серьезным кивком накопившее волной облегчение, Инквар дружески хлопнул воина по плечу, подхватил мешок и саквояж и помчался к двери в подземный ход.

Обострившееся в последние декады магическое чутье предупредило о приближении рыжего огонька, каким виделась на расстоянии Алильена. Разговаривать с ней при наемниках очень не хотелось, сторяча девчонка способна всего парой фраз разрушить образ скромной травницы, так тщательно создаваемый ими все эти дни.

Но если бы искусник догадывался, как сильно сердита на него Алильена, то настрого запретил бы охранникам вообще упоминать о себе при ученице. Знал по личному опыту: обозленным женщинам, как и запаленным быстрой скачкой лошадям, в подобных случаях нужно время, чтобы успокоиться. И если скакунов прогуливают по манежу, то Лил лучше отвлечь на важное задание, и желательно где-нибудь подальше от Инка.

Однако искусник пока даже не подозревал, насколько острее, чем он сам, ощущает их невидимую связь Алильена. Потому-то и мчится сейчас напрямик туда, где горит для нее синий огонек его ауры.

Пробираясь по подземным коридорам, Инквар вовсе не предполагал заглядывать в переделанную под лазарет комнату для совещаний. Однако за несколько шагов до знакомой двери вдруг почувствовал, как неудержимой волной накатывает непривычная слабость, и поспешил ухватиться за стену. До одной из постелей, где совсем недавно лежали его пациенты, искусник добирался как в тумане, шатаясь и

не отрываясь от стены, теряя временами представление, куда и зачем бредет.

Алильена вихрем проскочила мимо охранников, даже не заметив их настороженных лиц, и напрямик направилась к незаметной дверце, ведущей к горячим источникам. Гарвель и Дайг неслись за ней, а Динер остался возле места происшествия, уговаривать воинов успокоиться и вернуться на праздник.

Но вовсе не радость по поводу счастливого спасения учителя сумасшедшим вихрем толкала девушку в спину, а яростное желание добавить ему подпалин, если не хватило амулетов Канза. Несколько десятков ступеней и три сотни шагов Лил преодолела меньше чем за минуту и решительно ворвалась в пещеру, за дверью которой бледно светил голубой огонек. Разъяренной тигрицей подлетела к походной лежанке, на которой, бессильно раскинув руки, лежал ее учитель, и со всего маха залепила ему звонкую оплеуху.

От удара голова Инквара дернулась и безвольно сдвинулась с подушки, открывая затылок, покрытый комочками спекшихся волос. Несколько секунд девчонка неверяще смотрела на эти шершавые шарики, невольно представляя, как силен был окружавший искусника жар, потом, с усилием преодолев бушующую в душе обиду, нехотя подвинула голову учителя на место и до боли стиснула кулаки, почувствовав под пальцами теплую липкую струйку.

— Ну ты и дура, — скрипнул зубами влетевший следом за ней в пещеру Гарвель, метнулся к столу, схватил кувшин с холодной водой и салфетку. — Отойди!

— Я сама!

— Сама ты уже сделала все, что могла, — почти с ненавистью прорычал Дайг, приподнимая голову искусника и подсовывая под нее прихваченную с соседней лежанки подушку. — Теперь посиди молча в сторонке, чтобы я нечаянно не зашиб.

— Ты не лекарь! — вспыхнула Алильена, в глубине души признавая справедливость его упреков, но даже не пред-

ставляя, какая сила могла бы заставить ее сознаться в этом вслух.

— Ты, как выяснилось, тоже, — с разочарованием выплюнул ювелир. — Им свойственны сострадание и выдержка. А ты сначала заварила кашу, а потом...

— Почему это я заварила? — снова вскипела Алильена. — Я гуляла себе, никого не трогала! А этот сумасшедший...

Она вдруг сообразила, что начинает оправдываться, резко смолкла, развернулась и бросилась к двери, с силой отшвырнув попавшийся на пути стул.

— А сумасшедший увидел, как тебя ведут, словно телку к бычку, и ринулся спасать, — едко бросил ей вслед Дайг, поща салфетку в миске с холодной водой.

Вода становилась розовой, а лица наемников — все более хмурыми и жесткими. Сейчас они оба остро жалели, что не догадались неотступно ходить рядом с Алильеной, и не важно, как стала бы реагировать на такую опеку сама девчонка.

— А вот это вовсе не ваше дело! — расвирепевшей гремучей змеей мгновенно обернулась от двери Лил. — Вас никто не просил вмешиваться в мою жизнь! Я же не мешаю вам делать все, что захочется!

— Да? — презрительно ухмыльнулся лучник, отлично понимая, что сейчас самолично погребет под огромным камнем ненависти все свои прошлые заслуги. — А кто тебя просил гоняться за нами по всем баронствам?

— А ты... — Лил даже задохнулась от обиды и несправедливости и почти придумала едкую фразочку, которой собиралась побольнее ударить наглого наемника, но тут на нее налетела запыхавшаяся Хадина:

— Уф, добежала... Ну как он? Охранники говорят, сам шел, но наверняка сгоряча. Я издали увидела — такой огонь, прямо душа оборвалась. Думала, если с ним что случится — своими руками отравлю похотливую гадину.

Травница ловко протиснулась мимо Алильены, сделала пару шагов, рассматривая возившихся возле Инквара дру-

зей. Потом вдруг оглянулась на замершую в проеме девчонку, обернулась и крепко ухватила ту за руку:

— Идем, я тебе зелья капну, есть у меня хорошее успокаивающее.

— Не нужно, — упрямо буркнула Алильена, но вырваться не стала, так и плелась, как на привязи, зло сощурив глаза и крепко сжав губы.

— Не надо так не надо, тогда просто водички выпей. Гар, сходи за свежей водицей. Дайг, а ты беги ко входу, там Канз с толпой на подходе, их необходимо остановить. Нельзя этого самозванца в дом пускать. Боюсь, кто-то случайно ему проболтался, слишком уж решительно он ринулся на Инка. Словно что-то прознал и амулеты при себе имел вовсе не праздничные... но об этом я буду говорить только с Динером.

Последние слова травница произнесла в спину торопливо уходящему из пещеры лучнику, и не подумавшему ее послушаться. Пальцы Хадины в это время стремительно и ловко делали привычную работу: ощупывали затылок и шею лежащего в забытьи искусника, отирали салфеткой потемневшее лицо, попутно приподнимали нечаянному пациенту веки, проверить, целы ли глаза, капали в приоткрытый рот зелье и чем-то душистым растирали виски.

— А ты не сиди без дела, — вдруг оглянулась она на притихшую Лил. — Поищи в поставце чего-нибудь кисленького. Твоему учителю сейчас пить побольше нужно, а потом и перекусить небось захочет. Он ведь, судя по времени, мигом сюда домчался, и правильно сделал. Редкая дрянь этот Канз, не пойму, как ты не рассмотрела? Вроде неглупая девочка.

— А может, мне как раз и нужна была дрянь? — вяло отгрызнулась Алильена, посмотрела в округлившиеся от изумления глаза травницы, вскочила и опрометью ринулась прочь.

— Ох ты ж, несчастье какое, — огорченно глянув ей вслед, запечалилась травница. — Как, оказывается, у нее все перепуталось в голове-то! Придется, видно, снова на ночь здесь оставаться, или уже отложить поездку еще на денек?

ГЛАВА 2

Инквар очнулся как-то разом, словно выпал из темноты в ярко освещенную комнату. Впрочем, ярким свет показался ему только в первые секунды, чуть позже искусник рассмотрел тонкий шелк, накинутый на шар с магическим светлячком, великую роскошь для такого убежища. Прежде шар находился в кабинете Динера, но когда Инквар с ученицей взялись за лечение наемников, командир принес его сюда и лично подвесил над столом.

Рядом с лежанкой Инка дремала в кресле Хадина, и некоторое время искусник задумчиво рассматривал ее осунувшееся лицо и расставленные неподалеку флаконы и бокалы. Потом прислушался к себе, определяя давно выработанным чутьем, какое сейчас время суток, и наконец осознал совершенно точно: часа через два-три начнет светать. Стало быть, валяется он здесь вовсе не несколько минут, как показалось сначала. И наверняка Динеру уже удалось как-то разобраться и с самозванцем, и с последствиями его безумной выходки. Значит, ему, Инквару, нужно как можно скорее выяснить, чем завершилось это дело, так как картинка, сложившаяся у него в мозгу, пока бежал по окутанному мраком тропкам, оказалась очень далека от прежнего представления о самозванце.

— Хадина...

Травница мгновенно встрепенулась, открыла глаза и окинула его таким ясным взором, словно и минуты не дремала на своем добровольном посту.

— Очнулся! Ну слава светлым силам, — негромко произнесла она и светло улыбнулась. — И твоим зельям тоже, само собой. Пить, кушать хочешь? Или умоешься сначала? Дайг тебя проводит.

— А где он? — спуская ноги с лежанки, бегло оглядел комнату Инквар.

— Вон в уголке спит.

— Не сплю, просто задремал немного. — К искуснику, растирая ладонями лицо, уже шел Дайг. — Давай помогу

подняться. Выпей бульон да идем к источнику, прогреешься, потом перекусишь. Корзинку я с собой возьму.

— Не пойду, извини, — с сожалением отказался Инквар. — Просто немного умоюсь, у меня сажа в носу. Ты не смог бы к тому времени, как я вернусь, позвать сюда Динера? Очень нужно поговорить. А попутно и перекусим. И еще, где Лил? Больше в этом убежище мы не останемся, на рассвете потихоньку уедем с Хадиной.

— Это ты хорошо придумал, у меня в повозке как раз местечко секретное есть, — похвалила травница. — А Лил в своей комнате, сама схожу позову.

Искуснику слышалась в ее словах то ли какая-то недоговоренность, то ли тайный смысл, но прямо сейчас он ничего не собирался уточнять. Во всем, что касается его ученицы, нужно разбираться очень вдумчиво и осторожно. Настроение девчонки иногда меняется просто стремительно, однако он успел убедиться: намного позже этому обязательно найдутся вполне весомые причины. Но пока Инку попросту не хватало времени ни на расследование, ни на спокойный, откровенный разговор с Алильеной. Первым делом нужно было срочно придумать, как поступить с Канзом.

Из умывальни Инквар вернулся свежим и бодрым, безо всяких сомнений добавив себе магией немного силы, чтобы не дрожали руки и ноги. Все равно ведь придется несколько дней ехать в повозке, успеет отоспаться и восстановить запас магии. Хотя он и так не чувствовал ее недостатка: недавно выученное умение подлечивать самого себя получилось применить так легко, словно он и не отдал там, возле стрельбища, почти всю накопленную энергию.

— Садись, — позвал его Дайг, сноровисто накрывавший на стол. — Пока они дойдут, успеешь поесть. И еще я хотел тебя спросить, ты не передумал ехать туда, куда звали тебя вчера днем?

— Нет, не передумал, — с интересом глянул на друга искусник. — А ты, значит, в курсе этого предложения?

— Я должен был вас провожать. Но теперь выеду из крепости позднее и нарочно направлюсь в другую сторону, Ди-

нер прикроет. А потом сверну, а вы подождете нас в условном месте. Гара я теперь здесь тоже не оставлю.

— Только хвостов не приведи, я тебе на этот случай зелье особое дам, — просто для порядка напомнил Инквар и нехотя признался: — Знаешь, чем больше я думаю, тем сильнее вся эта история мне не нравится.

— Ну вот и мы, — входя в пещеру, бодро отчиталась травница и почти насильно втянула за собой хмурую Алильену. — И вещички сразу собрали, и дорожную одежду надели. Садись перекуси, а то не скоро завтракать придется. А я пойду в свой дом, мне тоже собраться нужно.

— Не хочу, — еле слышно процедила сквозь зубы девчонка, ушла в дальний угол и села на лежанку, небрежно бросив у ног тощий мешок.

Только корзинку с сонным Найдом из рук не выпустила, поставила рядом и, низко наклонив голову, нарочно, чтобы короткие пряди светлых волос упали занавесом, принялась перебирать пушистую шерстку щенка.

— Одна не ходи, возьми провожатого, — строго приказал травнице Инквар, а после ее ухода несколько мгновений исподтишка следил за ученицей.

Проверил, чуть прикрыв глаза, ее магический огонек, отметил его бледность и с деланным безразличием отвернулся к Дайгу, упорно подкладываящему ему мяса. Видимо, лучник был уверен, что искусник выпил зелье скорости и теперь просто стесняется показать, как голоден. Спорить с ним Инку не хотелось, и он неторопливо жевал все подряд, прислушиваясь к шагам в тоннеле. И едва слышал вдалеке топот двух пар ног, решительно отодвинул тарелку:

— Хватит пока. Лучше скажи, чем закончилось вчерашнее веселье. Только покороче. Куда делся Канз?

— Никуда не делся, — бросив в сторону Лил угрюмый взгляд, тихо произнес Дайг. — Динер отправил его отдыхать, пообещав завтра устроить дознание. Но он где-то достал бочонок меда и отправился вместе с друзьями праздновать свое спасение. Как он утверждает, ты его почти задушил, еле удалось вырваться.

— Ну да, раз я сгорел, то кто же опровергнет его слова? — невесело пошутил Инквар, не желая заранее пугать друга своими выводами.

Динер с Гарвелем вошли в комнату торопливо, сразу присели к столу и первым делом налили себе по кружке приготовленного Хадиной взвара.

— Очухался? — разглядывая искусника, просто для порядка спросил командир и успокоенно кивнул: — Это хорошо. А то я уже голову себе сломал, прикидывая, как с ним разговаривать.

— Ты на входы охрану надежную поставил? — пристально глядя на Динера, осведомился Инквар. — Парням наказал не открывать двери, даже если он начнет стучать и умолять о помощи? Или лучше мне самому пробежать предупредить?

— Сейчас я ничего им не говорил, — помрачнел командир. — Но они же не новички. А про дальний проход он и не догадывается, об этом, кроме меня, знают всего трое.

— Мы с Дайгом сходим, — рассмотрев, как темнеет лицо искусника, тотчас поднялся со стула Гарвель. — Ты отдохай.

— Нет, я пойду один, — не согласился с другом Инквар и нехотя пояснил: — У него были очень мощные боевые амулеты, таких не делает ни один белый искусник. Я с трудом выбрался, и то лишь благодаря Лил, она недавно научила меня тайному способу своего отца. Вы подождите здесь и никому не открывайте дверь. Для надежности я запиру вас снаружи, а когда вернусь, постучу, Дайг знает тот знак.

Решительно оборвал разговор и вышел из комнаты, не желая вслух говорить про почти неслышные, осторожные шаги, опасно приближающиеся с той стороны, откуда, как утверждает Динер, не может прийти никто, кроме самых проверенных его друзей.

Двери искусник прикрывал бережно, словно они были из тончайшего стекла, стараясь ни малейшим шорохом не выдать своего ухода. Теперь, после того как Канз нечаянно показал ему свои истинные возможности, Инквар почти не сомневался в правильности своих догадок. И если бы это

имело хоть какое-то значение, мог бы с достаточной долей уверенности предположить, как и когда именно самоучка ступил на тот подлый путь, по которому уверенно идет явно уже не первый день и даже не первый месяц.

Вот только отныне все это больше совершенно не важно. Из всех чувств, какие мог теперь испытывать Инк к самоучке, оставалась лишь горьковатая, как дым пожарища, печаль. Сожаление о том человеке, каким мог бы стать одаренный парнишка, если бы лет десять назад ему встретился опытный наставник из братства мастеров.

Но теперь уже поздно, яд безнаказанности, замешанный на несправедливой самоуверенности, будет все сильнее разъедать сознание самоучки и все дальше уводить его к пропасти, где сгинул уже далеко не один чрезмерно возгордившийся талант.

Беззвучно вдвинув в паз засов, искусник натянул рабочие перчатки и замотал петли крепкой бечевкой, пропитанной особым зельем. Не самая сильная ловушка, зато единственной она не останется. Инк очень постарается, чтобы у убийцы не осталось ни одного шанса на исполнение его замысла.

Одно из самых главных правил их гильдии прямо гласит: «Если хочешь выжить и помочь своим друзьям, непрерывно наблюдай за происходящим, делай выводы и ищи способ опередить неприятелей. Учись у всех: у природы, у друзей, у случайных встречных и обязательно у врагов. Ведь у сильных людей и противники обычно далеко не просты, и нет никакого бесчестья в том, чтобы перенять их знания. Разумеется, не затем, чтобы добиваться с их помощью тех же грязных целей, — наоборот. Если знаешь состав яда, легче сделать противоядие, если изучил оружие врага, намного проще приготовить от него защиту».

К тому моменту как опасливые шаги миновали горячий источник и переместились в тоннель, ведущий напрямик к проходу в серый дом, искусник успел убедиться в своей ошибке.

Шпион был не один. По звуку шагов постепенно стало абсолютно ясно — их двое. Сначала делал несколько шагов

тот, чья поступь была легче, и к мягкому, неуверенному шарканью его подошв добавлялся шорох плаща или накидки. Пройдя немного, первый замирал, видимо, озирался, потом подавал сигнал, и тогда его догонял второй. Вот этот шагал тверже и увереннее, и железные подковки на его каблуках размеренно позвякивали о каменный пол.

«Наглец», — поставив последнюю ловушку, прошипел про себя Инквар и скользнул в глубокую узкую расщелину, через несколько шагов заканчивающуюся тупиком.

Он не боялся оказаться замеченным: старенькая накидка, с ловкостью фокусника извлеченная из кармана и брошенная на голову, никогда еще его не подводила. Но на всякий случай приготовил пару сюрпризов, которые могли бы остановить и признанного мастера-искусника.

Мягкие, осторожные шаги первого шпиона раздались совсем рядом, на несколько секунд стихли, потом незнакомец прошел дальше, обдав замершего мышкой Инка знакомым цветочным ароматом дамских духов. Так пахла только одна из женщин, которых искусник видел вчера в доме Динера, и узнавание ударило его неожиданно острой болью. От кого угодно он мог ожидать подобного предательства, но только не от нее, и это меняло многое, хотя и не все.

Отказываться от борьбы с этими двумя Инквар по-прежнему не собирался, но вот придуманный план теперь просто обязан был изменить.

Металлические набойки процокали мимо, шлейфом пронесся за собой тяжелый запах перегара, затем лазутчик остановился в нескольких шагах от расщелины, где затаился искусник. Явно выжидая, пока женщина разведает для него очередной участок прохода, — и это подлое, совершенно не мужское поведение самоучки заставило Инка брезгливо поджать губы. Во всем он оказался гниловат, даже в таких вот мелочах, этот смазливый на вид парень.

Сейчас искусник действовал со всей возможной предосторожностью и сначала тщательно проверил Канза браслетом. Карманы подлеца снова оказались полны светящихся разноцветными огоньками амулетов.

«И когда только успел собрать такие запасы?» — подивился про себя искусник, начиная постигать со всей очевидностью — ради достижения собственных целей Канз не брезговал никакими способами.

Дождавшись, пока лазутчики отправятся дальше, Инквар бесшумной тенью выскользнул в тоннель. Некоторое время они двигались в сторону потайного лазарета втроем, дружно шагая в ногу и одновременно замирая на месте, как только останавливалась проводница. Она уже поймалась в самую простенькую следящую ловушку, какие искусник ставил на тот случай, если кому-то из шпионов чудом удастся от него сбежать.

И теперь подошвы предательницы, в которые мгновенно впиталось магическое зелье, светились перед магическим взором искусника еле заметным рыжим светом. Немного позже он непременно расползется по всей одежде и телу и несколько дней будет сиять для Инквара на расстоянии в несколько лиг.

А женщина тем временем уже добралась до засова. Обнаружила оплетающие его шнурки и как-то приуныла. Даже лишний раз оглянулась на Канза в ожидании указаний, но самоучка резко махнул рукой, подавая всем понятный сигнал. Наводчица безропотно принялась распутывать хитрые узлы, не догадываясь, как желчно ухмыляется Инквар, предвкушая дальнейшее развитие событий.

Зелье должно было подействовать уже через несколько секунд, и тогда Канз может выбрать только один из двух путей — начать помогать своей сообщнице и оказаться в ловушке вместе с ней или повернуть назад и попасть прямо в руки искусника. Уже приготовившего в ожидании самозванца несколько игл и маленьких кинжальчиков, щедро смазанных парализующим зельем.

Движения проводницы становились все неувереннее, но Канз упорно молчал, ожидая непонятно чего. Лишь несколько раз оглянулся назад, очевидно, прикидывая, успеет сбежать или нет, и снова замер, держа наготове какой-то амулет.

— Не могу, — наконец сдалась Тамилья и, обреченно простонав, сползла по двери вниз.

Канз, по-видимому, до последнего момента рассчитывавший на успех, раздраженно прошипел несколько грязных ругательств, сунул амулет в карман и выхватил из-за пояса длинный кинжал. Скверное подозрение возникло у Инка внезапно, но в первый момент он не поверил интуиции, счел больным бредом. Нужно быть последним гадом, чтобы обидеть такую женщину, особенно если ради тебя она предала обожающего ее мужа.

Но когда добежавший до двери самоучка вместо того, чтобы перерезать шнурки, отвел руку назад и замахнулся на Тамилью, в душе Инка что-то словно перевернулось. Он и сам не понял, когда успел вырастить позади согнутой фигуры негодяя огненный шарик и резко швырнуть его Канзу чуть пониже спины.

Внезапный удар отбросил самоучку на несколько шагов, и он, не удержавшись на ногах, глухо стукнулся коленями о камень, но подозрительно быстро поднялся. Видимо, ради успеха этой прогулки не пожалел дорогих зелий силы. И теперь Канз очень ловко, почти как бывалый воин, отскочил в сторону, разворачиваясь в прыжке лицом туда, где внезапно обнаружился невидимый враг. Попутно подлец попытался выхватить из карманов кучку до отказа напоенных магией боевых амулетов.

Однако добраться до них так и не сумел.

Шквал отравленных длинных сапожных игл и дротиков обрушился на самозванца неумолимым отмщением за всю боль и горе, причиненные людям, которых Инквар ценил и уважал. От себя за едва не выжженные глаза он добавил парочку огненных шаров, нарочно целясь в пышную, ухоженную копну вьющихся волос. И когда они вспыхнули и завоняло паленой шерстью, искусник не испытал ни малейшего угрызения совести, обычно неумолимо сверлившей его, если Инквар нечаянно слишком сильно наказывал навязавших ему драку забияк. Трактирных выпивох, рыночных ворюшек или наглых толстомордых вышибал в городских управах и дорогих гостиницах.

Почти половина игл и дротиков сгорела во вспышках защитных амулетов Канза, и чтобы достать врага наверняка, искусник немедленно отправил в него вторую партию отравленного оружия. Хотя уже почуял, как пару раз дрогнули окружающие самозванца щиты. Теперь ему оставалось лишь выждать несколько секунд, пока зелье подействует, да проследить, чтобы Канз не подобрался ближе к своей сообщнице.

Тот, словно прочтя мысли невесть откуда взявшегося заматанного в лохмотья мстителя, вдруг упал на колени и, не выпуская из руки звякавшего о камни кинжала, резво пополз к лежащей ничком женщине. Инквар с ненавистью стиснул зубы, собрал последние силы и швырнул в негодея еще один огненный шар, теперь стараясь попасть ему в грудь. Самозванца снова отбросило, его нарядная рубашка и куртка занялись огнем, и Канз вдруг завизжал, тонко и пронзительно, как дикий подсвинок.

И пока он, потеряв оружие, все медленнее катался по полу, сбивая ладонями язычки пламени и перемежая мольбы о помощи матросской руганью, Инк торопливо срывал с засова шнурок. Сунув его вместе с перчатками в карман, подхватил на руки спящую предательницу и, распахнув дверь, шагнул в пещеру под настороженное молчание присутствующих.

ГЛАВА 3

— Милья?! — неверяще вскрикнул Динер, мигом узнав безвольно обмякшую в руках Инквара женщину, и, роняя стул, бросился к ней, разом забыв про все предостережения искусника. — Миль! Что с ней?

— Пока просто спит, — не выпуская Тамилью из рук, стремительно уклонился от командира Инквар. — Подожди! Ее нужно осмотреть... она привела сюда Канза.

— Где эта гадина?! — мгновенно свирепея, ринулся Динер к дверям убежища. — Разорву своими руками на клочки!..

— Дайг! — повелительно крикнул искусник.

Но наемники уже и сами догадались, бросились к командиру, вцепились в него с двух сторон, пытаясь достучаться до разума, поглощенного одним-единственным стремлением — уничтожить того, кто осмелился обидеть его солнышко, его душу.

Понемногу тесня Динера к столу, Гарвель бормотал ему что-то успокаивающее своим чарующим голосом, а Дайг торопливо копался в карманах, ища какое-то зелье. Инквар, положив Тамилью на одну из кушеток, опустился рядом с ней на колени, поднял рукав, проверяя артефактом надетые на женщину амулеты.

И только Лил сидела бесчувственной куклой, сжимая пальцы на загривке сладко спящего щенка. Однако Инк отметил про себя плеснувший в него теплый комок магии и довольно усмехнулся: не такая уж она злая и бесчувственная, какой хочет сейчас казаться. И значит, о девчонке пока можно не беспокоиться и решать остальные, внезапно навалившиеся тяжелой кучей проблемы.

— Динер! — окликнул он негромко, тем самым «значимым» голосом, каким говорил только с бандитами и тяжелобольными. — Иди сюда, мне срочно нужна твоя помощь.

Тот на миг замер, выдирая разум из затопившей его ненависти, очень быстро осознал смысл сказанного искусником и ринулся к нему, увлекая висящих на локтях наемников.

— Силен, — отпустив командира, с уважительной усмешкой бросил Дайг. — Инк, а что делать с тем...

— Ничего. Он уже спит. Пригляди лишь, чтобы не сгорел дотла. Попозже принесем сюда, я обыщу, там полно сюрпризов. Динер! Не тронь ее руками! Просто посмотри, все амулеты тебе знакомы?

— Да, — еще неуверенно пробормотал командир. — Этот от огня, этот от ядов... а вот это чужое!

Он возмущенно взревел и попытался вцепиться в широкое кольцо с изумрудным кастом. И тут же, зло зашипев, отдернул палец, украшенный быстро набухающей капелькой крови.

— Динер! — сердито прикрикнул искусник, крепко пере- хватывая руку, которую тот по-детски потянул к губам. — Я тебя не узнаю! Или ты перепил сегодня меду?

— Прости, — стиснув зубы, мрачно повинился тот, следя, как искусник ловко выдавливает кровь из его пальца, мажет ранку мазью и торопливо капают в кружку какое-то зелье. — Всегда дурею, если с ней что-нибудь... А вина я сегодня не пил. Да и вообще никогда не пью при всех. Изредка, дома, в праздник, под грибочки... Но такого кольца у нее никогда не было, точно знаю. Милья не любит украшений, носит лишь защитные, и я сам их ей покупаю.

— Выпей, это противоядие, — сунул ему в руку кружку Инквар и принялся торопливо копаться в карманах, собирая все необходимое и стараясь пока не доверять робко подавшей голос надежде.

Достав перчатки и инструменты, вначале он склонился над рукой своей пленницы, внимательно изучая странную драгоценность. Работа искусника, без всяких сомнений, и особые отметки для посвященных оставлены. А еще хитрый замочек, не дающий снять кольцо, если неизвестен его секрет. Маленькие шипы мгновенно вылезают и на внутренней, и на наружной поверхности ободка, доставляя острую боль окольцованному и чувствительно раня того, кому пришло в голову покуситься на чужое украшение. И пока непонятно, только ли раной отделается простак или получит смертельный яд.

«Проще отрезать вместе с пальцем», — мрачней, пояснил сам себе Инквар и осторожно просунул под кольцо тонкую, скругленную лопаточкой пластинку. И тотчас с досадой поморщился, рассмотрев выступившую из-под ободка свежую кровь. Выходит, все неверно он сначала понял... Тамилья вовсе не была Канзу просто соучастницей.

И хотя искуснику пока непонятно, зачем она встречалась с самозванцем глубокой ночью и вообще впустила его в дом, когда нет мужа, но уже не грызло душу разочарование в собственном умении разбираться в людях.

— Тьма, — громко скрипнул зубами Динер, тоже рассмотревший эту кровь. — Я его все равно убью.

— Ты лучше думай о хорошем, — буркнул Инк, опасливо поворачивая камни согласно тайным намекам, оставленным, судя по все крепнущим подозрениям, темным собранием. — Возможно, твоя жена всего лишь жертва.

— Ну разумеется, — уверенно кивнул командир, всмотрелся в угрюмую ухмылку искусника, помрачнел и убежденно проговорил: — Запомни, я никогда не поверю в предательство Милы, даже если на нее покажет сотня свидетелей. Слишком хорошо ее знаю, мы многое перенесли вместе. И уверен, она шла сюда вовсе не от страха или боли... но ты же ее разбудишь? Пусть расскажет сама.

— Разбужу, — хмуро пообещал Инквар и виновато предупредил наемника: — Хотя после этого ей придется пару дней полежать в постели и пить зелье, я свое оставлю.

Не любил он принудительные пробуждения с помощью магических снадобий, не шли они на пользу здоровью. Но сейчас для всех важнее всего выяснить истину, и если угроза так велика, как начинает подозревать искусник, то нужно непременно попытаться ее предотвратить.

Неслышно щелкнул, вставая на место, последний штырек, и кольцо раскрылось, как раз под кастом, искусно прикрывавшим секретный запор. Инквар бережно освободил распухший, вымазанный кровью палец, смазал целебной мазью маленькие ранки и ловко обвязал полоской полотна. Потом капнул на губы женщины бодрящее зелье и принялся рассматривать выгравированные на внутренней стороне украшения знаки. И всего через минуту был абсолютно уверен в самых худших своих предположениях.

— Это кольцо, — показал он маленькую шкатулку, куда аккуратно спрятал доказательство своих слов, — сделано искусником, живущим в плену. Я не имею права показывать вам приметы, по каким я это понял, да это и не главное. Важнее другое. Хозяева, на которых вынуждены работать сильные мастера, никому не продают их поделок. Никогда. Слишком они неповторимы и дороги. Их могут лишь дать на время надежным слугам или наемникам, и только ради очень важного дела. Дайг, возьми одеяло, поможешь прине-

сти вашего самозванца. Гарвель, убери со стола, мне нужен свет, он умеет прятать в своей одежде разные сюрпризы.

Друзья молча исполнили его просьбы, а Динер, присевший рядом с женой, казалось, забыл обо всем на свете. Но когда Инквар с лучником принесли на одеяле пахнущего гарью самоучку и искусник принялся неторопливо раздевать его, педантично проверяя каждую вещицу и каждый узелок, командир как-то невпопад поинтересовался:

— Ты считаешь, Миль должна всем рассказать, как привела его сюда?

— Посоветуемся, — не отрываясь от работы, буркнул Инквар. — Но теперь могу уверенно сказать: это кольцо было у Канза не единственной из таких вещиц. Я еще не считаю того заклятия, которое меня чуть не задушило, и необычайно сильных боевых амулетов. Ведь у него их была целая горсть, да и сейчас тоже предостаточно. Сам знаешь, даже те, которые можно иногда найти в лавках редкостей, стоят огромных денег. У вашего самозванца столько просто не могло быть, вы же экономите и никому не платите больше, чем ходящим с обозами.

— Ему выдавали на покупку драгоценных камней, — угрюмо припомнил Динер и яростно скрипнул зубами. — Но ты совершенно прав. Я упустил его... считал слишком молодым, думал, скоро повзрослеет, возьмется за ум. Ведь сначала казался неплохим парнишкой.

— Он с самого первого дня был чрезмерно гонорист, — не согласился Дайг. — Просто ты слишком радовался, что у нас появился свой мастер. Да и мы тоже, чего уж там говорить.

— Я закончил, можете взглянуть, только не прикасайтесь, — объявил Инквар, заматывая валяющегося в одном исподнем Канза в одеяло. — А этого пока можно положить в уголке.

— Не проснется? — подхватывая негодя, деловито осведомился Гарвель.

— Руки и лодыжки я ему связал, сна добавил, — успокоил искусник, беззлобно усмехаясь.

На их месте он сейчас и сам никому бы не доверял. Ведь всегда сильнее всего задевает предательство тех, на кого ра-

ныше полагался, как на себя, и кому долг велит быть добрыми и честными, заботливыми и великодушными.

— Ну и где его амулеты? — Динер осматривал усыпанные камнями золотые перстни, браслеты, ожерелья и медалионы дотошливо, как в лавке, и видно было, как хочется ему подержать их в пальцах, взвесить на ладони тяжесть камней и металла, и, может, даже попробовать на зуб. — Все от черных искусников?

— Нет, только два, не считая кольца. Вон тот браслет, в нем отвод глаз и щит, и ожерелье. Это вообще редкая вещь, камни можно снимать и добавлять в другие амулеты. Судя по знакам, их было шестнадцать, но четыре он уже снял. И теперь мне интересно... у вас не бывало случаев, чтобы Канз попал в засаду и разметал бандитов собственноручно усиленным амулетом?

— Было, — кивнул Дайг и оглянулся на побелевшего командира. — Три раза и было. А четвертый он не мог вчера добавить?

— Вполне, — вздохнул Инквар. — Но утверждать не стану. Только одно заклинание было мне неизвестным и очень гадким, самое первое. А потом он кучей бросил все оставшиеся амулеты, и теперь только от него самого можно узнать, что там было намешано. А пустышки он наверняка потребовал собрать и отдать ему. Но сейчас важно вовсе не это, меня больше волнует другое... Вы ведь всем говорили, будто он признанный искусник, и пытались всеми силами поддерживать его авторитет. Даже подлогом. Я не хочу вас обвинять, вы хотели как лучше. Но теперь, когда станете его судить, вам придется признаться в собственной лжи. Иначе ваши воины так и будут всех искусников мерить по Канзу, а вот этого я допустить не могу. Мы не зря много лет учимся не столько ювелирному делу и разным видам борьбы, сколько чистоте помыслов, справедливости и состраданию. Я знаю, многие назовут мои слова высокопарными, а некоторые сочтут смешными, но это их мнение. Мне учитель убедительно доказал правоту и важность наших правил, и отступать от них я не намерен. И буду защищать честь своих собратьев по ремеслу, даже если вы будете против.

— Но, Инк... — помолчав, испытующе глянул на него Гарвель. — Динер ведь хороший командир. А если пострадает его авторитет...

— Почему он должен пострадать? Я как раз уверен в обратном. Если все объяснить людям правильно, они станут уважать его еще больше. Поэтому и собираюсь остаться на суд... под чужим обликом. Якобы приехал искусник из крепости главы гильдии, думаю, никто из ваших воинов не знает их в лицо. И постараюсь направить разговор по нужному пути. А после суда заберу Канза. Какое выбрать ему наказание, будут решать старшие мастера. А сейчас помолчите, Тамилья просыпается. Динер, надеюсь на твое благоразумие.

Командир наемников мрачно засопел — давненько никто из соратников не осмеливался разговаривать с ним подобным тоном, но смолчал. Куда деваться, сам во всем виноват. Слишком много воли дал заносчивому мальчишке, смотрел сквозь пальцы на его гулянки и кобелиные проделки. Считал, со временем это пройдет, кому по молодости лет не била в голову шалая кровь? И как-то прозевал тот момент, когда мелкий пакостник превратился в крупного негодяя, готового, как выяснилось, ради своих прихотей и на убийство и на подлость.

— Где он? — Едва приоткрыв глаза, Тамилья оглядела всех вокруг обеспокоенным взором. — Дин, останови его! Ему нужна та девушка, травница... мы шли сюда за ней.

Женщина схватилась рукой за горло и закашлялась, и Инквар сильнее стиснул зубы, заметив на ее запястьях наливающиеся чернотой свежие следы от чьих-то грубых пальцев.

— Милья, — хрипло простонал Динер, рассмотревший синяки ничуть не хуже искусника, — как ты оказалась с ним?

— Точнее, зачем пустила в дом? — перебил командира Инк.

— Так мы же сегодня ночуем в большом доме, — слегка растерялась Тамилья. — А у Канза там тоже есть комнатка. Вот и начал стучать среди ночи, звать Дина. Ему же никто не может запретить.

— Но ведь можно было не открывать, — строго заявил искусник, поглядывая на амулет истины. До сих пор жена командира не сказала ни слова неправды.

— Я говорила ему, что Дин уже спит, но он велел немедленно разбудить, — пояснила Тамилья и виновато глянула на мужа. — Якобы Дин сам велел срочно принести какой-то амулет. Я отперла двери и велела положить шкатулку на стол, а он достал кольцо и приказал при нем отнести мужу. Пришлось сказать, что Дин ушел проверить посты.

Женщина вдруг всхлипнула, и Динер отозвался на этот звук звериным рыком. Бесцеремонно отодвинул Инквара, стиснул жену в объятиях, пряча ее лицо у себя на груди, принялся шептать какие-то слова утешения.

Искусник ушел к столу, тяжело опустился на стул и задумался. Дело оказалось проще и сквернее, чем он предполагал.

— Никуда не отпущу подлеца, лично буду резать на мелкие клочки... — расслышал он обрывки кровожадных посулов командира и невесело усмехнулся.

Спору нет, Динер имеет на это полное право, жены и дети воинов в таких поселениях — это самое святое, многие именно ради них каждый день бросают на кон судьбы свою жизнь и здоровье. Но вот сам Инквар теперь не может позволить командиру ничего подобного и с этой минуты будет носиться с гаденышем, как с драгоценным артефактом, выкопанным в заброшенном городе. Самозванец слишком много и многих знает, чтобы не попытаться вытянуть из него эти сведения.

— Дин... — еле слышно успокаивала мужа Тамилья, и искусник четко слышал каждое слово, но вовсе не собирался в этом признаваться. — Ничего он мне не сделал, времени у него было мало. Вот языком гадости болтал и лапоть попытался, но я дала по морде. Тогда он вывернул мне руку и надел свое кольцо. И все сразу стало каким-то тусклым, неинтересным. Я все понимала, но спорить не могла, исполняла все приказы. Помнишь, я однажды назвала его пакостником? Я ошибалась, он страшный гад. Но самому тебе уби-

вать его нельзя, ты же командир. Нужно судить, и я сама встану перед судом, все расскажу.

— Спасибо, — тихо произнес искусник, с признательностью глядя на женщину, и она вдруг застеснялась, плотнее запахнула на груди темный плащ.

Инк расстроено выдохнул и отвел взгляд, лишь теперь сообразив, почему звук ее шагов был шаркающим. Канз даже не догадался переобуть свою пленницу, так и вел по убежищу в растоптанных домашних туфлях. Да и под этим плащом на ней ничего не было, кроме ночной сорочки и второпях накинутой шали, просто Инквар сразу не придал этому значения.

Следовательно, Канз и в самом деле вначале хотел захватить не ее, а Динера, потому и кольцо заранее сделано раздвижным... Темная сила! Значит, им с Лил нужно уходить немедленно, и, разумеется, сначала объяснить все друзьям. Никто не должен сомневаться в серьезности причин, вынудивших его пойти на такой шаг.

ГЛАВА 4

— Ну вот и я... — Вошедшая в комнату Хадина обвела смолкших наемников внимательным взором и сразу нахмурилась: — Что-то случилось?

— Канз, — невесело ответил Инквар, указывая ей на место напротив себя. — Это хорошо, что ты здесь, вместе легче решать, как действовать. Сейчас я тебе все поясню, как понял сам. Канз вчера вечером не случайно шел на праздник с полными боевых цацек карманами, а действовал по точному плану. И придумал его вовсе не сам. Как оказалось, он давно работает шпионом на всем известного господина, который желает видеть мою ученицу в своем дворце. Все это самоучка вам расскажет и без меня, зелье правды я оставляю, вот оно. Но если раньше я хотел устроить суд прямо с утра, то теперь считаю это неразумным. Где-то неподалеку от убежища, место которого, как вы теперь понимаете, дав-

но уже не тайна для наших врагов, сигнала Канза должны ждать ловцы. Упустить девушку еще раз они просто не могут, хозяин наказывает нерадивых слуг очень жестоко. Как я подозреваю, ждать они будут недолго, самое позднее до вечера. Вполне возможно, начнут действовать уже в обед. Мне очень не хочется, чтобы сбылись мои подозрения, но я привык смотреть правде в лицо. Скорее всего ловцы уже захватили кого-то из ваших людей и намерены потребовать нас с Анни в обмен на них. Но я для всех погиб, и, кроме Канза, это может подтвердить любой. Остается решить, как вам поступить. Есть три пути. Попытаться захватить их первыми или отдать им Анни, а потом снова отбить. Ну и последний — мы уйдем прямо сейчас, а вы отдадите им Канза, который будет убежден, что Анни сбежала из убежища еще вечером. Якобы сильно расстроилась из-за смерти учителя. Все ведь видели, как она мчалась к серому дому. Разумеется, каждый план имеет свои слабые стороны, но в третьем случае можно попытаться убедить барона, что Анни тут нет, подбросив ему сведения из какого-нибудь ближайшего городка. Но во всех случаях вам придется усилить охрану стен и ворот и искать для наемников другие безопасные тропы. Ловцы и ночники будут теперь постоянно пастись поблизости.

— Я только одного не понимаю, — мрачно глянул на Инквара Гарвель. — Почему он не увел к ловцам Тамилью? Ведь знал, как Дин ею дорожит.

— А разве наемники выпустили бы его с ней? Он ведь с пьяных глаз даже одеться ей не дал, в домашних туфлях по грязи повел. Часовые не могли этого не заметить, подняли бы тревогу. Ну а прорываться отсюда с боем далеко не просто. Думаю, Тамилья права, и Канз собирался увести самого Динера, вот вместе с командиром стража выпустила бы его беспрекословно. А позже наемники отдали бы за Дина и нас и вас в придачу. Поэтому когда захватить командира не удалось, он срочно поменял план, решив с помощью Тамильи сразу увести тайным проходом Анни. Не самая лучшая идея, но пьяная отвага и жадность — плохие советчики. Канз уже считал обещанную за Анни награду своей и не же-

лал делиться с ловцами. А с ним самим Динер после похищения жены никогда бы не стал вести никаких переговоров.

— Я за второй план, — внезапно заявила Лил. — И не нужно меня потом отбивать. Надоело всюду приносить одно горе.

— Это плохое решение, — жестко глянул на нее лучник. — А ты сегодня вообще должна помалкивать.

— Дайг, ты сейчас тоже не прав, — устало выдохнул Инквар, потер виски и попросил: — Не обижайся. Лучше думайте, как поступить.

— Я согласился бы на третий план, — тяжело посмотрел на искусника Динер. — Но выпустить своими руками этого гада из ворот не смогу.

— И зря, — коротко усмехнулся тот. — Неужели ты считаешь, будто я могу позволить ему уехать в какой-нибудь замок и спокойно усиливать зелья, которыми будут поливать моих друзей?

— Значит, ты не собираешься сразу уходить далеко, — задумался Гарвель. — Тогда почему бы нам не выбрать первый план?

— Чтобы не оказаться через пару декад в глухой осаде, — терпеливо пояснил наемникам Динер, уже успевший оценить все варианты. — Инквар правильно рассчитал. Если мы нападём первыми, враг сразу поймет, что нужные ему люди у нас. И нагонит кучу черных искусников и опытных воинов. На их стороне будут неограниченные возможности и время, а мы с каждым днем станем жить все труднее. Разумеется, гильдия нас не бросит, пришлет наемников, но стоят ли их жизни и здоровье призрачной радости от такой победы? Мы пока не настолько сильны, чтобы в открытую вставать против баронов и градоначальников, хотя вполне можем сильно попортить им кровь.

— Тогда мы собираемся и уходим. Хадина, вот тебе зелья, сама разберешься. Разбавляй один к семи, разлей по флаконам и послушай моего совета — поживи здесь хотя бы месяц. Ты же сама понимаешь, ловцы прочно связали твоё имя с нами, мне очень не хочется, чтобы тебе пришлось пожалеть о нашем знакомстве. Гарвель, на тебе Канз. Вот зелье,

дашь ему утром с водой три капли, и пять минут можете говорить все, что захотите. Но постарайся, чтобы новая память не сильно противоречила его собственным воспоминаниям и желаниям, иначе он начнет сомневаться и мямлить, и ему никто не поверит. Тамилья, прости меня. Я сразу не понял, что ты под принуждением, и рад, что мои подозрения не оправдались.

— Да я и не обижалась. Только об одном жалею... — открыто взглянула на него женщина. — Зря поверила Наните. Нужно было мне идти в правую дверь, все девушки в безумном восторге.

— Учти, еще слово — и я начну ревновать, — притворно нахмурился Динер, снял с пояса кошель с золотом и сунул Инку: — Возьми. Этого должно хватить на несколько дней. Вот карта, смотри: в этом селе третий дом от реки по правой стороне. Не ошибешься, там забор терновый, нестриженный. Дом почти не видно с улицы, но заходить лучше с огорода. Возьми кольцо, это пароль, ничему другому там не поверят. Туда за вами придут.

— Спасибо. — Инк распихал все по карманам и подхватил свой мешок. — Дайг, проводишь? Гар, я не прощаюсь... встретимся. Анни, идем. Ты Найда берешь или тут оставишь?

— Лучше отдай мне, — мягко сказала Хадина. — Хотя бы на время.

— Нет, — резковато отказалась Лил, забросила за плечо котомку и направилась к двери. И, уже шагнув за порог, не оглядываясь, хмуро буркнула: — Прощайте.

По тоннелям, ведущим от горячего источника в сторону диких холмов, беглецы шли молча: не располагает быстрая ходьба по узким и кривым, а порой и низким проходам к дружеским беседам. Впрочем, спутники Инквара подчеркнуто не разговаривали между собой, даже по необходимости старались обращаться через него. Искусник делал вид, будто ничего не замечает, да и не было у него сейчас ни сил, ни времени разбираться в их ссоре. Он уже твердо решил поговорить с ученицей, как только выдастся свободная минутка. Их отношения зашли в тупик, и молчать дальше

было просто опасно; судя по представлению, устроенному Лил вечером, девчонка на грани. И если она сорвется, то непременно натворит непоправимых бед, и в первую очередь для себя самой. Одаренные люди в несколько раз чувствительнее и ранимее тех, для кого магия — это всего лишь амулеты и зелья в лавке алхимика.

Инк пока не знал, как именно устранит эту загвоздку, все зависело от ответов Лил, но не собирался откладывать разговор даже на день, особенно теперь. Вполне возможно, им придется сражаться, а в бою очень важно знать, кто у тебя за спиной, преданный помощник или затаивший обиды случайный спутник.

— Вот и выход, — тихо возвестил наконец Дайг, отодвигая неподъемный на вид камень, оказавшийся искусно замаскированным под скалу чурбаком. — Сначала идите наверх, внизу тут крутой обрыв. Шагов через сто слева будет звериная тропка, вот оттуда все время на север, до ручья. Я с вами не пойду, скоро рассветет. Пока вернусь — склон будет на солнце, а это место хорошо видно с наших башен.

— Спасибо, — стиснул его плечи Инквар. — И до встречи. Возвращайся, тебе нужно хоть немного отдохнуть, вас ждет нелегкий денек.

Лучник в ответ хлопнул его по плечу, прицепил к поясу Инка свои ножны с дротиками и скрылся в расщелине, тщательно задвинув за собой хитрую дверь.

— Давай Найда, здесь склон крутой, — забрал из рук девушки корзину мастер. — И шагай вперед, но поглядывай по сторонам.

— Можно подумать, — впервые за последний час буркнула девчонка, — ты сам не будешь внимательно слушать и смотреть.

— Буду, — не стал спорить искусник. — Но я пока еще неважно себя чувствую и могу что-нибудь пропустить. Как только дойдем до укромного местечка, передохнем и поедем. И еще... нам нужно серьезно поговорить. Я давно собирался, но пациенты занимали все время.

— Однако на девушек ты нашел полдня, — зло огрызнулась Лил и тотчас осеклась: — Извини... не мое это дело.